

Salvatore

Георгий
Данелия

КОШМАР на
ЦЫПОЧКАХ

Москва
2021

УДК 791.44.071.1(470)
ББК 85.374(2)
Д17

Рисунки *Г. Данелия*

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрации на переплете и во внутреннем оформлении
художника *Александра Храмцова*

Во внутреннем оформлении использованы кадры
из фильмов «Настя», «Орел и решка», «Паспорт»,
а также фотографии Юрия Роста, Михаила Баландюка
и из личного архива Георгия Данелия

В книге использована цитата из книги Марка Твена
«Приключения Гекльберри Финна» в переводе Н.Л. Дарузес

Данелия, Георгий Николаевич.

Д17 Кошмар на цыпочках / Георгий Данелия. — Москва :
Эксмо, 2021. — 672 с. : ил. — (Жизнеописания знаменитых
людей).

ISBN 978-5-04-089812-1

Перед вами новая редакция трех книг, ставших бестселлерами:
«Безбилетный пассажир», «Тостуемый пьет до дна», «Кот ушел, а
улыбка осталась», выдающегося режиссера Георгия Данелия. Вос-
поминания о прожитой жизни и о том, как делали кино. Бесценный
опыт и неповторимые истории, горечь утрат, потрясающее чувство
юмора.

Обладатель всех мыслимых и немыслимых премий и наград, глав-
ных и неглавных, международных и внутрироссийских рассказывает
нам истории о том, как он и его друзья делали кино, а в целом о нашей
жизни, мудро и лаконично, то очень смешно, то с тенью грусти. Впро-
чем, как и все, что так нам знакомо по его чудесным фильмам.

УДК 791.44.071.1(470)
ББК 85.374(2)

ISBN 978-5-04-089812-1

© Данелия Г. Н. Наследник, 2021
© ИП Серебренников В.Б., кадры из фильмов, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Эту книгу я посвящаю
моим дорогим друзьям
Лоре и Тонино Гуэрра
и Юрию Росту*

ВСТУПЛЕНИЕ

Летом 2000 года Тонино Гуэрра, Лора Яблочкина и я сидели в квартире мамы Лоры в Москве, у Красных Ворот. Был какой-то необычный вечер. Солнце уже завалилось за Садовое кольцо, и наступили московские летние сумерки. Свет мы не зажигали. По воскресеньям на Садовом машин мало. И было непривычно тихо. Тонино и Лора спрашивали, почему я уже два года не снимаю. Я говорил, что в трамвай новой жизни не сумел пересесть и теперь еду на подножке. Без билета. Так, очевидно, и доеду до конечной остановки.

— Гия, у тебя столько интересных историй!.. Напиши книгу, — сказал Тонино. — А потом, если захочешь, снимешь по ней фильм.

Книгу я написал, назвал ее «Безбилетный пассажир» и посвятил Тонино и Лоре. Вторую книгу «Тостуемый пьет до дна» снова посвятил Тонино и Лоре. А третью книгу написал в 2014 году, после фильма «Ку! Кин-дза-дза», назвал ее «Кот ушел, а улыбка осталась» и посвятил своему другу Юре Росту.

Недавно впервые прочитал все три книги подряд. И понял: оттого, что каждая писалась, как последняя, есть повторы, длинноты, лишние эпизоды. Я решил все это поправить и объединить в одну книгу.

Должен сознаться, самое трудное для меня не придумать, не написать, не снять, не смонтировать, а остановиться в поисках вариантов. Я все время сомневаюсь, мне каждый раз кажется, что можно и нужно сделать лучше или иначе. И поэтому в материале у меня всегда есть несколько эпизодов, снятых в разных вариантах — с другим текстом, с другим действием. Эту книгу я тоже как бы монтирую. Оставляю лишь то, что мне кажется наиболее интересным. А иногда меняю дубли — беру варианты из памяти. Так что, если в этой книге кое-что не совпадет с тем, что было написано раньше, не удивляйтесь.

Итак...

Приготовились к съемке! Мотор! Камера! Начали!

Предупреждение

Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица которые попытаются найти в нем мораль, будут сосланы; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны.

*Марк Твен.
«Приключения Гекльберри Финна».*

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

Генеральный секретарь ЦК КПСС — президент страны

Члены политбюро ЦК КПСС — очень большие люди

Первый секретарь ЦК республики — президент республики

Первый секретарь обкома — губернатор

Первый секретарь горкома — мэр

ЦК КПСС (Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза) — администрация президента.

ГОСКИНО (Государственный комитет по делам кинематографии) — киношное начальство

КГБ (Комитет государственной безопасности) — ФСБ

ГДР — Германская Демократическая Республика (друг)

ФРГ — Федеративная Республика Германия (враг)

Абстракционист — нехороший человек

Райисполком — префектура

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

— Надо отдать его во ВГИК, — сказал отец, когда я окончил школу.

— Почему во ВГИК? — спросила мама.

— А куда его, дурака, еще возьмут?

Отец мой, метростроевец, считал работу в кино несерьезным занятием и предложил ВГИК (Институт кинематографии), как крайний вариант.

— Там хотя бы блат есть, — сказал он.

Блат действительно был. Мама работала на «Мосфильме» вторым режиссером и знала многих мастеров ВГИКа. Но поступать во ВГИК я отказался. Мама меня с детства возила в экспедиции на съемки фильмов, и я знал, какое это муторное и нервное занятие.

— Но в какой-нибудь институт поступать надо обязательно, — сказала мама, — а то тебя в армию заберут.

В армию мне не хотелось. Мой приятель Женя Матвеев собирался поступать в архитектурный, и я пошел с ним — за компанию.

У нашей группы было два мастера — Юрий Николаевич Шевердяев и Михаил Федорович Оленев. Шевердяев — элегантный, спортивный, ведущий архитектор (по его проекту построен кинотеатр «Пушкинский», где прошли все премьеры моих

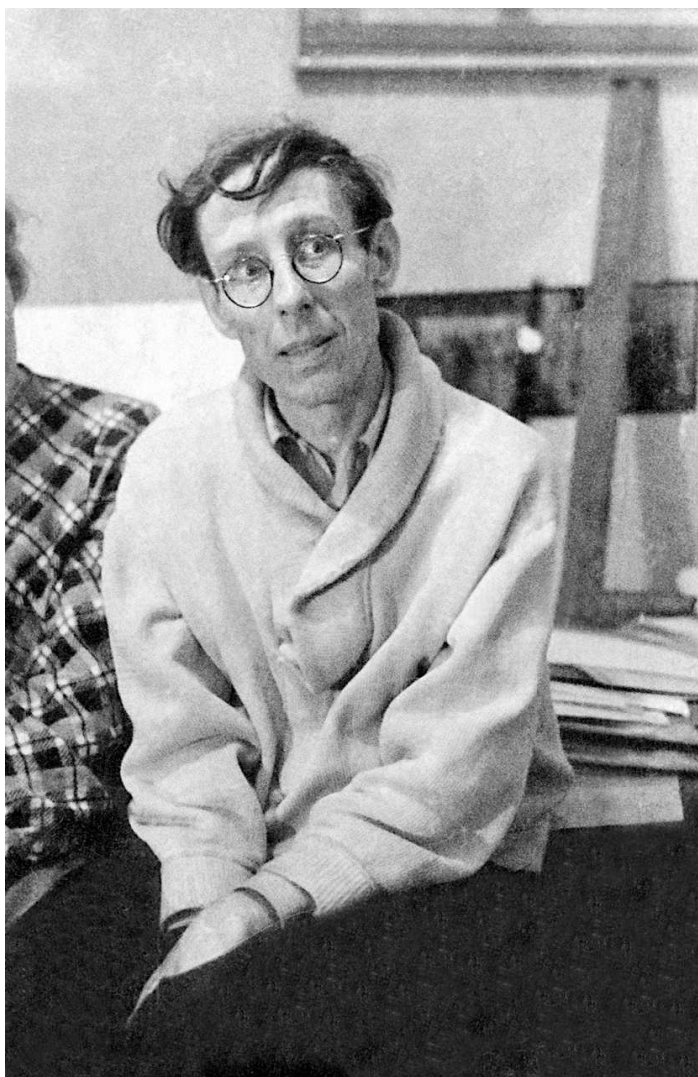
фильмов) — был очень занят и появлялся у нас нечасто. А Оленев — скромный, похожий на сельского учителя — был все время с нами.

Михаил Федорович был очень болен, и мы старались не задерживать его долго у своих подрамников, чтобы он не уставал. Но он все равно каждый раз засиживался с нами допоздна — увлекался. Накладывал на чертеж кальку, брал свой любимый мягкий цанговый карандаш «Кохинор 6В», думал и по кальке правил проект... а потом рисовал возле здания для масштаба что-нибудь забавное: бодрого старика на самокате, пожарника на качелях, афишную тумбу, на которую задрала ногу собачка... Мне, когда я проектировал южный вокзал, он нарисовал шарманщика на перроне, а в небе — симпатичный вертолет, с которого спрыгнул парашютист в железнодорожной форме...

...Михаил Федорович умер. Гроб стоял в институте, в большой пустой комнате. Ночью мы с моими друзьями Олегом Жажаром и Димой Жабицким, как это положено, дежурили у гроба. На стене висела картина Михаила Федоровича: открытое окно, на подоконнике глиняный горшок, в горшке — цветок, за окном ровное небо. Все скупо и просто... Но там, за окном, было столько воздуха и столько света, что я заплакал.

КОМСОМОЛЬСКИЕ СОБРАНИЯ

У меня еще со школы болезнь — аллергия на собрания. Первые десять минут мне просто скучно, а потом очень хочется курить и начинает болеть голова. Но в архитектурном было собрание, на котором я забыл и про скуку, и про курение. Это общеинститутское комсомольское собрание состоялось в первый же месяц, когда я поступил в институт. Проходило оно в здании Союза архитекторов СССР, в большом зале. Народа было много. В президиуме сидели ректор, парторг института и комсомольские вожди. Первые минут двадцать мне было, как всегда, скучно, а потом я почувствовал, что еще немного — и мне станет дурно. Я хотел смотаться, но мой друг Джеймс

Михаил Федорович Оленев

Жабицкий не пустил — сказал, если я сейчас уйду, обязательно кто-то настучит, и у меня будут неприятности. Я остался, и не зря.

Под конец собрания перешли к обсуждению персонального дела. В райком пришло письмо на студента Попова: несчастная женщина сообщала, что он с ней сожительствовал, обещал жениться и бросил. Секретарь райкома сказала, что есть и другие сигналы: несмотря на неоднократные предупреждения, Попов пьянствует, развратничает и продолжает вести антиобщественный образ жизни. И районный комитет считает, что методы убеждения исчерпаны, и просит собрание обсудить вопрос о пребывании студента Попова в рядах Ленинского комсомола.

Первым выступил фронтовик. (Со мной училось много фронтовиков.) Фронтовик был контуженый, у него дергалась щека, и он заикался. Фронтовик гневно сказал, что он и его товарищи не за то кровь пролили, чтобы такие паразиты, как Попов, катались как сыр в масле и поганили жизнь окружающим. И он предлагает гнать эту гниду из комсомола!

— Гнать! — дружно поддержал оратора зал.

Потом выступил первокурсник. Он сказал, что приехал из Сибири. Когда его приняли в институт — это был самый счастливый день его жизни. Для него Московский архитектурный институт — Храм. А сейчас, когда он узнал, что в этом Храме обосновалась такая нечисть, как Попов, ему стало мерзко. И он считает, что Владлена Попова надо не только исключить из комсомола, но и отчислить из института.

— Отчислить! Давайте голосовать!

— Подождите! Подождите! Послушайте меня, дайте мне слово! Очень прошу! — раздался тоненький голосок.

На сцену выбежала щупленькая девушка в очках и начала взволнованно, чуть не плача, торопливо говорить:

— Вот мы сейчас исключим Владлена из комсомола, а вы подумали, какая это трагедия для человека?! Вот если бы меня... лучше уж расстрел! Товарищи, — она заплакала, — ребята, я вас очень прошу, давайте послушаем самого Попова, я уверена, что

он раскаивается! Пусть даст честное комсомольское, что больше не будет! Предлагаю дать слово Попову!

— Дать! Дать! — закричали все.

Мне было интересно посмотреть на этого Попова, жизнелюба и покорителя женских сердец. Я, как и все первокурсники, сидел на балконе и очень удивился, когда увидел сверху, как по проходу партера неторопливо идет к сцене маленький, с пролысиной на макушке, в мятом пиджаке, парень лет двадцати пяти. Он вышел на сцену, встал на трибуну, выждал, пока в зале не наступит полная тишина, а потом спокойно сказал в микрофон:

— Я вас... (непечатное слово)! Вопросы есть?

Вопросов не было. Наступила гробовая, тягостная тишина. Попов спустился со сцены, неторопливо пошел по проходу, вышел из зала и закрыл за собой дверь. Тишина стояла такая, что слышно было, как на люстре почесалась муха.

Покаянную речь Попова я запомнил на всю жизнь. А это собрание было и остается моим самым любимым. Как говорят герои Николая Гоголя: «Праздник души, именины сердца! И пир духа!»

Раз уж я начал вспоминать про комсомольские собрания, расскажу еще об одном, где из комсомола выгоняли меня. Архитектурный институт был и есть на улице Рождественка (бывшая Жданова), а я жил, как и сейчас, на Чистых прудах. В институт можно было ездить на трамвае «Аннушка» до Трубной площади. Но когда у меня был большой подрамник (с большим подрамником в трамвай не пускали), я шел в институт пешком. По улице Кирова, по площади Дзержинского (мимо здания КГБ), по Пушечной, и направо, по Жданова. И вот однажды, когда я шел по площади Дзержинского, к парадному подъезду этого учреждения подъехала черная длинная машина, охранник открыл дверцу, и на тротуар ступил Председатель КГБ, всемогущий Лаврентий Павлович Берия.

Я опешил.

— Здравствуйте, — робко кивнул я.

— Здравствуйте, — Берия протянул мне руку.